

Станислав Грабовски

ДЕТИ МАРСА

„Счастье всего мира не стоит слезы на щеке невинного ребенка”, это с Достоевского, из *Братьев Карамазовых*. Да. Это правда. Нет и дня, чтобы массмедия не информировали нас о очередных убийствах и преступлениях, совершаемых детьми, существами наиболее невинными и наиболее испокон веков обижаемыми, хотя мы постоянно зарекаемся, что все дети наши.

Были ли годы второй мировой войны апогеем детского горя? Это очень правдоподобно, когда мы вспоминаем жестокую участь детей разных национальностей в концентрационных лагерях, в сталинских детских домах; в различных гетто всей Европы и других местах особого назначения, где издевались над ними, поддавали их всевозможным пыткам. Варшавское восстание, Волынь, Замость, Хиросима и Нагасаки..., это очередные названия, символизирующие массовую гибель детей. Десятки тысяч из них были изгнаны из их „маленьких родин”, они потеряли своих близких. Казалось бы, что после 1945 года наступят для детей лучшие времена, что заживут их раны, покинут их плохие воспоминания. Однако так не случилось. В очередных меньших или больших военных конфликтах всегда жертвами становились самые младшие и немного их постарше. Дети выступают тоже часто, а это самое печальное, чего невозможно скрывать, в роли... палачей, когда мы видим их, например, по телевидению в военных мундирах и с оружием в руках. Это горестный раздел в истории человечества, все еще не закрытый, из-за многих невыясненных причин.

В томе *Дети Марса*, который перед Тобой, Читатель, Каролина Кусек призывает и оживляет три великие вселенные, над которыми все еще висит зловещая тень войны, ненависти, взаимной неприязни. Первая вселенная - это мир профильтрованный через собственную память, связанный, главным образом с семьей, семейной традицией, которой представителями становятся родители, брат, бабушка... Примером, как представляется, самым трагичным является стихотворение, посвященное Отцу писательницы. Это настоящий порыв сердца дочери, связанный с нашей современностью горьким раздумьем:

Не плачу, за Тобой уже, Папа.

Не плачу,

когда это последнее фронтовое письмо от Тебя

вынимаю из ящика.

Не плачу...

Потому что знаю, что и Ты сам не хотел бы дожить
до своего поражения.

Дожить времен позора и предательства.

(Не плачу...)

Таких откровений, с которыми не может справиться сознание
поэтессы в этом томе - много. Не случайно два стихотворения начинаются
со слова „помню”:

Я помню этот майский дождь,
который тушил ВЕЛИКИЙ ПОЖАР.
После которого мир зазеленел НАДЕЖДОЙ.

Мы шли с мамой в сторону нашего дома.

Чтобы отвести мои глаза от дымящих развалин,
она показала мне фиолетовое пятнышко на обочине.

Зацвела сирень.

(...)

(Майский дождь)

Я помню нашу встречу.

Он обнял за шею мать одной рукой,
ведь другая была на перевязи.
Мать плакала, он плакал.

И обнял меня, сказал, что выросла я.

(...)

(Возвращение брата)

Это не единственные стихи в творчестве поэтессы, касающиеся ее
личных переживаний, ее мучительных воспоминаний, с вязанных с

военным детством, которые могли бы стать повествователем в громком романе Станислава Сроковского *Репатрианты*; по всей вероятности и в Восточных крестах во время войны, и во время транспорта по железной дороге на так называемые Возвращенные земли, что окончательно прекращало жизнь в близком и известном детям мире, пережил он не меньше, чем маленький Лазаж Дрепля из этой книги.

Потрясающее стихотворение *Картинка из семейной памяти* - это доказательство бессилия перед лицом Зла, которое господствовало безнаказанно на *Нечеловеческой земле*. Мать заключенная в вагоне, мчавшимся в Сибирь, вынуждена оставить на случайной станции своего умершего ребенка:

В снежных сугробах — сверток,
в черном свивальнике шали.

Единственным материнским следом, весьма нестойким, который там остался являются:

(...) две черточки на снегу,
пропаханные до земли.
Это слезы матери, у которой в грудях не было ни капли молока.
(...)

Они тянулись до бесконечности,
как следы санок.

Разве это не люди людям уготовили такую участь? Это как бы художественная действительность, созданная с помощью поэтических средств, однако благодаря писательскому мастерству автора, его необыкновенно чуткому пониманию страдания, мы верим ему, не сомневаемся в его правдивости и его честности.

Вторая, огромная вселенная, которую призывает к нам поэтесса в *Детях Марса* это мир природы, природы, казалось бы беззащитной и безоружной, когда врывается в нее насилие в лице военного катаклизма, когда горят дома и сады, леса и хлеба.

Что однако с ней происходит на самом деле, кто окончательно становится победителем в мире, подвергнутому постоянному метаморфозу? Зацитируем поэтическое произведение под заглавием *Пожарище*:

Я думала, что это уже мертвый кусочек земли,
где после этой войны не зазеленеет травка,
не зазвучит букашка,
не возродится деревцо...

Но, вот... над пожарищем
захлопал мотылек обгоревшим крылом,

словно, победным флажком.

Вот пример жизненной силы природы, ее детерминизма, что так легко увидеть и сейчас, когда на развалинах заводов, которые еще вчера были полные жизни и движения, вырастают не только березки. Давайте посмотрим вокруг себя. Это видно везде в польском пейзаже.

Писательница остерегает: в этом мире нет ни выигравших, ни проигравших. Все одинаково покалеченные как физически, так и морально. „Мотылек [с] обгоревшим крылом” - это достаточно ясное послание. Хотя раны заживают медленно, то побеждает воля к жизни, как в стихотворении под заглавием *Пейзаж как после войны*, где:

Во время сенокоса,
луг преобразается в побоище.

В покосе трав лежали обломки птичьих гнезд,
скорлупа яичек жаворонка,
фиолетовое сердце полевого колокольчика.
Роса выливалась из побитых чашечек цветов.

(...)

я тоже заметила и кузнечика -
лугового Пегаса,
который перепрыгивал из покоса на покос
и искал крылышка, обрезанного косой.

„Время сенокоса”, это, казалось бы, хорошее время, время уборки урожая, радости по этому поводу, но и в такие моменты случаются иногда жертвы: „обломки птичьих гнезд”, „скорлупа яичек жаворонка”... Стоит о них

помнить, чтобы слишком легкомысленно не делать выводов, не поддаваться внушению других, а увидеть мир во всей его сложности. Волю к жизни, невзирая на все препятствия, созидательную мощь природы, поэтесса представляет в таких произведениях как: *Майский дождь*, *Ласточка*, *Верески* или *Послевоенная демография*.

И наконец, она открывает нам третью вселенную, мир подвластный истории, которого неизгладимыми символами являются, например: памятник маленькому варшавскому повстанцу; образ шествия Януша Корчака со своими воспитанниками к вагонам, когда они в один из знойных августовских дней двинулись в свой последний путь; голубь мира Пикассо; солдаты генерала Андерса, захватывающие Монте-Кассино; бомбардированные японские города: Нагасаки и Хиросима; кладбищенские кресты из соснового дерева; польская военная шапка, то есть „рогатывка” (конфедератка), у которой длинная традиция; Каштанка „Дедушки”, то есть любимый конь Юзефа Пилсудского; шапка „мацеювка” с орлом; Катынь... В этом своеобразном мавзолее, полном реликвий прошлого (который есть у всех народов), необходимо найти место для погибшего на войне отца, медалей дяди „из под Монте-Кассино, Тобрука и Палестины”. Это в целом уже хорошо узнаваемые, своеобразные эмблемы, без которых не может обойтись наша общая и индивидуальная память, наше современное существование, если мы не хотим превратиться в существа без сердец и душ. И только больно от того, что рождаются новые, не всегда желаемые, как видим, например, в стихе *Возвращение с миссии*:

Товарищи по оружию вынесли его на плечах из самолета,
как из росомака, как из панцирного саркофага.

Только что досыпанная до пустынного песка песчинка в клепсидру
времени.

Завернутая в бело-красный флаг.

(...)

Ведь военные концерны постоянно производят новое оружие, работающие для них ученые изобретают все более совершенные методы уничтожения человека, а служащие им массмедия поддерживают страх и опасения, призывают к дальнейшей гонке вооружения, к „крестным походам”, к „расправе с противниками демократии и гражданских прав”, это еще одна калька слов, к которым следует относиться с большой осторожностью.

А медиальный шум нужен концернам, потому что оружие, которым не пользуются, быстро устаревает, а наполненные им склады свидетельствуют о недостатке прибыли. Спираль войны и смерти должна постоянно накручиваться. С этим никто честный и разумный не может смириться, а особенно с участием очередного поколения детей во „взрослых играх”, потому что дети всегда являются первой и наиболее беззащитной их жертвой. Вот как поэтесса изображает „механизм бога войны”:

(...)

Чтобы его очеловечить,
пара дорисовать ему бороду.

Его мозг и мотор -
мировой капитал,
военная промышленность.

Шеей — политики.

Рупором — медия.

Руками — армия.

Простреленным СЕРДЦЕМ — народы.
ДЕТИ МАРСА.

(В бинокле)

Каролина Кусек, которая дебютировала в прессе в 1970 году, автор нескольких десятков книг не только для детей, лауреат многих престижных наград — это знаток детской психики, поэт со зрелой и четко сформированной творческой позицией. Специфику ее поэзии определяет характерная для нее конструкция предложений, использование принципа контрапункта, смелые метафоры, сенсуализм и максимальное использование всевозможных средств языка, всего того, что создает ее собственный и легко узнаваемый поэтический мир; писательница поддерживает в нас, кроме того, веру в силу слова, которое, как не парадоксально, и прекрасно владеет, и полностью ему подчиняется.

Отрекаясь от пустой игры слов, ведет она с Читателем диалог, основанный на абсолютной честности. Кто не следует за ней, не становится ее спутником, никогда не станет ее союзником, не поддержит ее многосторонней заботы о благе ребенка, к а ж д о г о р е б е н к а, какую в прошлом проявлял Диккенс, Мария Монтессори, ксиондз Ян Боско, Иоганн Песталоцци, Анджей Малковски, Эллен Кей, Селестен Френе, Ян Корчак, Василий Сухомлинский или Мария Гжегожевска... Это только несколько фамилий из перечня настоящих друзей ребенка с большой буквы „Д”.

*

Том *Дети Марса* посвящен поляку, профессору кардиохирургии ЭДВАРДУ МАЛЬЦУ, лауреату многих престижных премий и наград, в том числе рыцарю ОРДЕНА УЛЫБКИ, одному из тех, „кто на многих фронтах сражается за жизнь ребенка”. Это показательное посвящение, хотя поэтесса употребляет слово „фронт”, то она не вкладывает в него значения из милитаристского словаря, то есть военного фронта. Это фронт жизни, фронт постоянной заботы о ребенке. Профессор Эдвард Мальец, прекрасный специалист, преподаватель во многих известных медицинских зарубежных вузах, спасающий жизнь детей в разных странах. Оперировав с успехом наиболее сложные пороки сердца, он является примером покорной и подчиненной роли взрослого по отношению к ребенку. Невозможно представить себе более наглядный пример человека, который спасая жизнь детей, сражаясь за нее до конца, становится ярким противопоставлением тем, которые хотят эту жизнь уничтожить и загубить.

